

— Здравствуете, а вы давно живете в Риге? Наверное, помните, как она менялась? — спросила я свою новую знакомую, предчувствуя интересный и открытый разговор из тех, какие могут завязаться только вот так, случайно, на скамейке в сквере или в купе поезда.

— Добрый вечер, присаживайтесь, я с удовольствием расскажу вам об этом удивительном городе, в моем возрасте люди уже везде успели и никуда не спешат. Зовут меня Мялта Сигизмундовна, — сказала пожилая дама, удобнее устраиваясь на скамейке и запахивая полы своего шерстяного пальто. — Родилась я в Москве. Мой папа был латышским стрелком и ушел из Риги еще в Первую мировую войну. Вы, наверное, знаете, что практически все оставшиеся в живых латышские стрелки после Гражданской войны были сосланы в Сибирь или репрессированы. Нашей семье повезло, папа демобилизовался и стал работать портным. Всю Отечественную войну мы жили в Москве под бомбежками, в голоде и холоде. Я хорошо помню 9 мая сорок пятого года

на Красной площади, когда шли офицеры, солдаты и москвичи, все вместе, обнимались, целовались, смеялись, кричали «ура!», танцевали и пели. В Москве плохо работал общественный транспорт, было много разрушений, грязно, очень голодно, хлеб отпускался только по карточкам, на рынке нам продавать было уже нечего, ведь все ценные вещи мы обменяли на продукты во время войны. Люди были одеты в основном в военную форму или в пальто, перешитые из армейских вещей. Москва стояла вечерами темная, улицы не освещались, ходить по ним было небезопасно даже днем, и уж тем более такой хорошенькой и молодой девушке, как я. Вот мой папа и отправил меня в 1946 году из Москвы к своему брату, моему дяде, в Ригу, поступать в Рижский университет.

Я приехала в Ригу и окунулась совсем в другой мир. Первое, что меня поразило — это чистота на улицах, во дворах и подьездах. Дворники ходили в белых фартуках и перчатках, мыли мостовые мыльной пеной и терли щетками. В парадной на ули-

це Бриведас, где жил мой дядя, пахло цветами и свежестью, а не сыростью и мочой, как в Москве. И, конечно, цветы, везде были цветы: на окнах, клумбах и на маленьких базарчиках. Общественного транспорта в Риге было мало. Помню, ходил трамвай от привокзальной площади по улице Марияс с открытыми летними вагонами, украшенными букетиками ромашек. Однако пассажиров в основном возили извозчики, летом в колясках, а зимой на санях. Причем одеты извозчики были в специальные шинели с блестящими пуговицами. Люди были очень вежливыми и красиво одевались. Мужчины носили костюмы, шляпы и длинные плащи, а женщины — цветные платья, перчатки, шляпки и зонтики. Эти совсем не похожие на москвичей горожане сидели за столиками кафе прямо на улицах, освещенных газовыми фонарями, и ели булочки и пирожные. Свой первый в жизни эклер я попробовала в Риге. Разговаривали в городе в основном по-немецки и по-латышски, русскую речь можно услышать

только в районе Московского форштадта или Маскачки.

Преподавание в Рижском университете велось на русском языке только на филологическом факультете, готовившем учителей русского языка для латышских школ, куда я успешно и поступила. В Риге практически не было разрушений, в прудах плавали лебеди — белые и черные. Прохожие приветливо улыбались, здоровались друг с другом, приподнимая шляпы; на улицах не было пьяных драк и громко кричащих людей; практически не встречались безногие и безрукие солдаты. Как будто и не было войны! И, конечно, я очень быстро влюбилась в голубоглазого, светловолосого рижанина, который и стал впоследствии моим мужем.

Михаил, как, впрочем, и любой иной молодой человек, окончивший одну из рижских гимназий, говорил на пяти языках: немецком, французском, английском, латышском и русском. Он работал торговым представителем в Лиепайском порту и занимался ленд-лизом. Я после войны не могла слышать немецкую речь и все время вздрагивала от нее, а вот мой муж любил немецкий язык и немецкую культуру, считая его родным, несмотря на то что чудом остался жив в рижском гетто. Его выкупили из гетто родственники, а латыш Жанис Липке вывез из города и спрятал на своем хуторе.

Мы часто с мужем ходили к его друзьям-музыкантам в ресторанчик-подвальчик «Фокстердила» на улице Дзирнаву. Там я впервые услышала джаз и попробовала устрицы. Чудом оставшиеся в живых в Дахау, Саласпилсе и гетто музыканты играли самую веселую музыку на свете: «Серенаду солнечной долины», мелодии Луи Армстронга и Эллы Фицджеральд. И, конечно, я не могла наесться

рижскими булочками с изюмом, творогом, ревенем, смородиной, пирогами с перловой кашей и картошкой, горохом. Но самый вкусный традиционный немецкий шоколадный торт можно было попробовать только в кафе «Ли́ра», что находилось недалеко от Пороховой башни. Как сейчас помню эти черные ступени, ведущие вниз в кафе, и две статуи пантер, стоящие по бокам лестницы.

Но не все было так радужно. Немцев, оставшихся в городе, многих латышей и фольксдойче начали депортировать в Сибирь. Их выгоняли ночью из квартир на улицы с маленькими узелками и вели шеренгами к вокзалу, где грузили в товарные вагоны.

— Как вы эмоционально точно описали послевоенную Ригу: этот запах ватрушек и цветов, звуки джаза, смех, белые лебеди, дворники в перчатках. Как будто перенесли меня в то время, — очнулась я, когда моя собеседница сделала паузу.

— Все-таки я пятьдесят лет рассказывала различные истории своим ученикам. Мастерство, как говаривал наш московский дворник дядя Петя, не пропешь! — рассмеялась пожилая дама и поправила рыжий локон, озорно выбившийся из-под заколки.

— А что было потом, дальше, как менялась Рига? Я бы с удовольствием послушала, если вы, конечно, не замерзли и не спешите, — готова была я впитывать каждое слово Мялты Сигизмундовны.

— После окончания университета я уехала с мужем на Урал и вернулась в Ригу лишь в начале шестидесятых годов. Увы, это был уже совсем другой город. Вокруг урн и прямо на улицах валялись окурки и бумажки. Все чаще встречались люди, которые ругались, плевали и сморкались прямо на мостовые. Но больше

всего меня поразил резкий запах мочи в подъезде, где мы жили раньше. Он так гдибанул мне в нос, что я даже закашлялась, открывая дверь в парадную дома. Как сейчас помню, утром следующего дня после приезда я спустилась в магазин за молоком и услышала до боли знакомый по Москве и Уралу русский мат. Рига из немецко-латышского города превратилась в город советский! Я думаю, дальше вам рассказывать не надо, поскольку вы сами родились уже в советском городе, так что все про это знаете. Да и мне уже пора отдыхать. Видите того красавца на соседней аллее — это мой внук. Сейчас он проводит меня домой, и это будет самая приятная часть моей прогулки, — с нежностью и гордостью закончила наш разговор моя ночная знакомая, встала и повернулась к молодому человеку, спешившему к ней навстречу.

— Свейки, вэцмамина (здравствуй, бабушка)! — сказал он по-латышски, обнял пожилую даму и поцеловал.

— Мартин, я тоже очень рада тебя видеть, но ты знаешь, что твоя бабушка просит разговаривать с ней по-русски, пожалуйста, не будь моим самым большим педагогическим фиаско, — поприответствовала и слегка пожурила внука Мялта Сигизмундовна, опираясь на его руку.

— Знаете, у меня та же проблема, мой внук англоязычный, вырос и совсем не хочет говорить по-русски, хотя в шесть лет тараторил скороговоркой и акал, как маленький москвич! До свидания, у вас чудная бабушка, дорожите возможностью общения с ней! — попрощалась я, мысленно поблагодарив черную кошку, которая не переставала помогать мне в своем городе.